

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тема нравственного воспитания детей и молодежи, нравственных оснований политики, нравственных критериев в литературе и искусстве в последние годы является не только предметом теоретических дискуссий, но и прочно входит в практику жизни нашего общества. У нас есть то, что можно назвать серьезным достижением в этой области. Например, в сфере образования нравственное воспитание приобрело статус государственного заказа и вошло в программные документы, а также в Федеральный государственный образовательный стандарт. Свое важное место в школе занял предмет Основ религиозной культуры и светской этики. Проводятся Всероссийские конкурсы «За нравственный подвиг учителя», «Православный учитель» и другие, организуемые совместно Министерством образования России и Русской Православной Церковью. Критерием нарастающего нравственного оздоровления общественной жизни является самое серьезное внимание к патриотическому воспитанию. Даже во внешней политике наша страна заявляет себя как сторонник нравственных оснований системы международных отношений и международного права. В области литературы и искусства все громче звучит голос тех, кто призывает обсуждать проблему свободы творчества с учетом мнения людей, свято чтущих многовековые нравственные и духовные традиции нашего народа.

Но наряду с этим нельзя не отметить, что всякая практическая работа по нравственному воспитанию встречает не только интерес, но и сопротивление, сопротивление, которое ощущается человеком изнутри самого себя. Это результат действия в нас того, что принято называть «духом времени» или «духом века сего».

С некоторых пор эти понятия воспринимаются как уже сами по себе понятия положительные, так как исповедующий такой дух человек считает себя современным, креативным, позитивным, «шагающим в ногу», соответствующим мейнстриму и т.п. Однако религиозная традиция призывает нас быть в этом отношении более осторожными. Апостол Иоанн Богослов предупреждает: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин.4:1). Потому что очень легко нарваться на «духа заблуждения (в ц.-сл.: духа лестча) .., о котором вы слышали, что он придет, и теперь есть уже в мире» (1 Ин.4:2-3). О том же говорит и апостол Павел: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы нам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:2). То есть, нравственное воспитание, которое учит человека познавать, что есть воля Божия, и поступать сообразно ей, обязательно войдет в противостояние с «духом века сего».

Этот «дух времени» обладает огромной привлекательностью, особенно для детей и молодежи. И мы должны ясно понимать, что он собою представляет, куда зовет, каков его вектор развития в настоящее время. Что же он собою представляет этот «дух времени»? Прислушаемся к тому, о чем он говорит. Для этого

обратимся к знаковым событиям в области культуры, политики, науки. И начнем с конкретного примера.

В 1952 году американец Джон Кейдж представил публике трёхчастное сочинение для вольного состава инструментов, которое называлось «4.33». 4.33 – это продолжительность произведения: 4 минуты 33 секунды. На всем протяжении «исполнения» музыканты не извлекают никаких звуков из своих инструментов. А содержание каждого фрагмента – звуки окружающей среды, которые прозвучат за это время. Это действие символизировало «смерть музыки».

Такого рода «произведения» в большом количестве стали появляться в музыке, живописи, скульптуре, театре. Встал вопрос: что это – поиски новых путей в искусстве или нечто другое? Сами производители подобной продукции часто уверенно заявляли, что они – не искусство, они – смерть искусства. Они сталкивали в своих действиях то, что имеет отношение к искусству, и то, что его убивает. А убивает искусство его сопоставление с какой-то неизменной реальностью. Еще Станиславский в свое время, как бы предупреждая о подобных экспериментах, говорил, что он может очень легко разрушить игру самых талантливых актеров. Предположим, на сцене появляется Василий Иванович Качалов. За ним закрывается занавес. Актер начинает свой монолог. В это время Станиславский подходит к кулисам с обратной стороны, просовывает сквозь них свою голую ногу и начинает шевелить пальцами. Спрашивается: на что будут смотреть зрители в зале – на

игру Качалова или на эту ногу? Конечно, на ногу. Искусство театра убито реальностью, которая ниже искусства.

Именно это происходит в современном театре. Известный актер театра и кино Олег Валерианович Басилашвили, который недавно отпраздновал свое 80-летие, говорит, что он как актер обязан всем великому режиссеру Ленинградского БДТ Георгию Александровичу Товстоногову, сосредоточившему в себе лучшие традиции отечественного театра. Олег Валерианович вспоминает, как Товстоногов ставил классику театра – пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Три сестры» и другие. Как через игру актера открывалась душа чеховского персонажа. «Сейчас люди, якобы, борются за новое искусство. На самом деле это не новое искусство, а просто неумение работать с актером. На это неумение нанизано, как на шампур, желание показать, какая у меня фантазия и какой я талантливый. И вот – три сестры – это не сёстры, а на заднем плане стоят офицеры голые. А почему голые? Отвечают: они не защищены. Но незащищенность надо искать так, как искал Товстоногов, искал во взаимодействии актеров с другими персонажами, другими ролями. А не просто их раздеть! А в современном театре меня больше всего огорчает так называемая ‘концептуальная режиссура’, когда режиссер берет пьесу не для того, чтобы выразить суть произведения, а для того, чтобы показать насколько он оригинален и талантлив в понимании того или иного автора».

То, что огорчает Олега Басилашвили, сегодня, в «духе времени», называется «концом искусства». Именно так

охарактеризовал в середине 80-х гг. XX века состояние искусства известный американский искусствовед и философ Артур Данто. Смысл «конца искусства» он видел в невозможности дальнейшего существования искусства в прежних категориях, предписывавших бытию *определенный канон существования*. Для искусства не должно быть строго обязательных форм. «Пришло понимание, что смысл искусства невозможно постичь на основе *шаблонов*, и что различие между искусством и не-искусством лежит в поле *не визуального, но концептуального*». Данто констатировал «смерть искусства», ориентированного только на отражение истинной природы.

Здесь вспомним призыв апостола Иоанна Богослова испытывать духов, от Бога ли они? Восстание против того, чтобы признавать существование истинной природы всего – это восстание против христианского понимания мира как творения Божия, где Творец всему дал сущность, логос, смысл. Познание сущности – это путь творчества, в котором особое место занимают образцы, каноны. Их-то Данто и называет уничижительно «шаблонами», которые следует отбросить ради абсолютной и ничем не направляемой кроме фантазии автора свободы самовыражения. Для того, чтобы отбросить образцы, каноны, следует отбросить Творца. Данто это легко было сделать. Здесь он является продолжателем героя своей первой книги «Ницше как философ». Именно Ницше в конце XIX века стал устами «духа времени», в который вошла западноевропейская цивилизация, объявив, что «Бог умер». Но если

Бога нет, всё дозволено, о чем пророчески писал Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы».

Вслед за концом искусства последовало признание конца истории. Именно под таким названием «Конец истории?» в 1989 году вышло нашумевшее эссе известного американского философа японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы. И если в названии эссе еще стоял вопросительный знак, то следующая его книга, изданная в 1992 году, уже называлась утвердительно «Конец истории и последний человек». Фукуяма понимал наступивший, по его мнению, конец истории не в свете христианской эсхатологии, а в том смысле, что все, прежде поступательно двигавшие историю факторы, перестали играть свою роль. Отсюда многие сделали вывод, что мир вступил в некий этап постистории, где уже не играет роль классическая культура, философия, политика.

Заговорили о постсовременности, которая заявляет о кончине многих традиционных институтов человечества. Например, таких, как национальное государство. Генри Киссинджер, известный политолог, бывший госсекретарь США, автор многих книг по международным отношениям, говорит о смерти Вестфальской системы. Напомню, что Вестфальская система – это система международных отношений, созданная в Европе на основе Вестфальского мира по итогам Тридцатилетней войны (закончилась в 1648 году). Её основные принципы:

- принцип государственного суверенитета
- приоритет государств-наций
- приоритет национальных интересов

- право требовать невмешательства в свои дела
- равенство прав государств.

Смерть Вестфальской системы подразумевает смерть национальных государств, приоритет интересов транснациональных корпораций.

Одновременно сегодня констатируется конец действия системы международного права.

И вот среди всех этих «концов» все громче, в «духе времени», звучит мысль о том, что наступил конец и таких институтов, как семья, мораль, религия. И не только мысль. Активно, даже можно сказать агрессивно и быстро эти идеи становятся реальностью. Например, в Европе вовсю идет процесс разрушения семьи через ювенальную юстицию. Утверждаются в статусе семьи однополые браки, в связи с чем происходят изменения ключевых понятий семейного права, таких как «отец» и «мать» (вместо них «родитель № 1, и родитель № 2»). Христианские традиции, якобы, оскорбляющие чувства неверующих или представителей иных религий, стремительно изгоняются из публичной сферы в частную жизнь. Идет наступление на саму возможность утверждения о том, что могут существовать общепринятые нормы морали.

И здесь открывается смысл всех этих «концов». Они сходятся в единую точку, которую принято называть концом проекта «Человек». Постсовременность подразумевает постчеловека. Что это означает?

Основу нравственного воспитания составляет признание существования неизменного нравственного закона. Он не просто

определяет правила поведения, образ жизни, но и очерчивает границу человечности человека. Нравственный закон человеку дан Богом. Он ощущается человеком изнутри сердца как голос совести, стыдливость, чувство долга. А также дается человеку извне как система отношений между людьми, определяемая заповедями, традициями. Стоит только убрать из системы нравственных координат Творца, как нравственность теряет свое основание и становится предметом различных трансформаций. Ницшеанское «Бог умер» в конце XIX века стало главным утверждением наступающей эпохи модернизма в начале XX века, в том числе и в области нравственного закона.

В России революция 1917 года быстро перевела философию в практику. Был выдвинут лозунг: «Наследство не должно господствовать над наследником, а должно быть только орудием в его руках». И вот уже формулируются «заповеди общества победившего пролетариата»:

«"Не убий" было ханжеской заповедью, пролетариат подойдет к этому правилу строго, по-деловому. Убийство злейшего, неисправимого врага революции, убийство, совершенное организованно, классовым коллективом по распоряжению классовой власти, во имя спасения пролетарской революции – законное этическое убийство.

“Чти отца и мать”, - пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитывать: сами дети должны их

перевоспитывать. Интересы революционного класса важнее блага отца.

“Не прелюбы сотвори” – формула неправильная. Половая жизнь есть неотъемлемая часть боевого арсенала пролетариата и должна исходить из соображений классовой целесообразности. Выбор (полового) объекта должен на первом месте считаться с классовой полезностью и не допускать элементов грубого собственничества: “никому не хочу её уступать”. Позорным и антиклассовым становится ревнивый протест, если новый (половой) объект является в классовом смысле более ценным» (из книги Арона Борисовича Залкинда, советского врача и психолога – середина 20-х гг. XX века).

Подобным образом формировалась система нравственного воспитания в советскую эпоху. Со временем крайности отпали. Что осталось? Осталось понимание того, что нужны нормы нравственного поведения. Более того, если вспомнить моральный кодекс строителя коммунизма, принятый XXII съездом партии, в нем все еще просматривались отголоски христианских заповедей, например, призывы: коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей. Но было потеряно самое главное.

Вспомним: в Евангелии рассказывается о том, как некий книжник спрашивал Иисуса Христа о главной заповеди. Христос в

ответ Сам спросил книжника, что он понял об этом, читая Писание? И книжник сказал, что есть две заповеди: первая: возлюби Бога всем сердцем, всею душою, всем помышлением своим; и вторая: возлюби ближнего своего, как самого себя.

Что такое коммунистическая нравственность? Отбрасывание первой заповеди и принятие второй: Бога нет, а вот ближнего надо любить. Но на чем будет держаться вторая заповедь, если нет первой? Роль фундамента возложили на идеологию, литературу, искусство. Однако без Бога все заповеди теряют свое основание. Они имеют силу нравственного закона только потому, что даны Богом.

Ослабление нравственного состояния в нашем обществе было неизбежно. И когда рухнула идеологическая машина, все, что относилось к нравственному воспитанию, попало в русло западного мейнстрима. А там к тому времени уже объявили о конце проекта под названием «Человек». Если прежние экспериментаторы с моралью отвергали одни нормы, но на их место пытались поставить другие, то сейчас стала отвергаться сама необходимость существования любых норм. Это и есть постсовременность. «Если Бога нет, всё возможно человеку». Происходит не просто изменение ценностей. Объявляется тотальная война ценностям как таковым.

Здесь есть еще одна важная деталь. Человек – творение Божие. В нём живут духовные, культурные потребности, заложенные фактом творения. Их нельзя просто так поменять в человеке, потому что он – человек. Их можно только убить, вырвать с корнем

и на смену принести то, что корней не имеет. Но, как образно выразился один современный богослов, глубокие корни имеет дерево. И чем глубже корни, тем выше дерево. Зато плесень не имеет корней. Вместо вырванного с корнем дерева что получает душа взамен?

Постсовременность предлагает человеку новую опору. Она, по словам философа, - «империя низа», империя расчеловеченного потребителя с заниженными потребностями. Она и есть тот контекст, в котором мы приступаем к нравственному воспитанию. Не надо думать, что это сгущение красок, или что это там, на Западе и от нас далеко. Наши дети, включенные в интернет-пространство, потребители того, что попускается в СМИ, посетители того, что соседствует с нашими школами в виде индустрии развлечений, имеют доступ ко всему, что формирует человека постсовременности.

Что мы можем противопоставить этому мощному и столь притягательному влиянию? Что может наполнить нашу нравственную педагогику силой? Что нам надо донести до детей, чтобы нравственный строй их души получил крепкую опору?

В романе Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества» рассказывается об обществе, постепенно теряющем память. Люди стали забывать историю, свои родовые корни, своих жен и детей, как их зовут, адрес своего дома, забывали всё. И эта слабеющая память делает их деградирующим обществом. Чтобы спастись от болезни, они стали ко всякому предмету прикладывать таблички с

названием и способом употребления. А в центре города, на главной площади водрузили плакат со словами «Бог есть».

Вот эта простая и важнейшая истина – Бог есть – единственная, которая дает нравственности глубокие корни. Вернуть эту истину нравственному воспитанию – главная задача. Потому что есть соблазн говорить о нравственности без духовности, а о духовности – без Иисуса Христа. Но это все равно, что отказаться от источника воды живой и сооружать сухие колодцы, которые создают иллюзию возможности утолить жажду, но ничего не могут дать. Об этом говорил Господь Своему народу через пророка Иеремию, когда совершилось разрушение Иерусалима, уничтожение храма Господня и народ был отведен в вавилонский плен: «Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер.2:13). И когда мы вспоминаем недавнюю историю нашего Отечества: попытки построить безбожный рай и затем мгновенное крушение, казалось бы, незыблемого государства, разве не объясняют нам эти слова Божии главную причину всего произошедшего? Разве не проистекает из них урок, который надо усвоить, если мы думаем о нашем будущем? Святитель Николай Сербский, переживший вторую мировую войну, немецкую оккупацию Югославии, концлагерь Дахау, размышляя о причинах бедствий христианских народов, говорил: «Знайте, и детям своим передавайте, что нас Господь помиловал нас с невысказанным условием, что никогда более не оставим Его, Животворный источник живой воды, и не будем,

подобно еретикам и безбожникам, повернувшись спинами ко Христу, копать сухие колодцы, у которых люди стоят, ждут и умирают от жажды».

Иисус Христос дал не просто некое особенное этическое учение. Со Христом в мире утвердилась новая реальность, именуемая в Священном Писании «новым творением». Следование законам христианской нравственности означает не только выполнение набора этических предписаний, но участие в новом образе бытия, которое дал нам Христос, и которое мы обретаем через участие в жизни Церкви, в ее Святых Таинствах, соединяющих нас Со Христом, вводящих нас в новую реальность, делающих нас частью «нового творения»

Чтобы говорить о христианской нравственности, нужно, прежде всего, научиться говорить о Христе. Это нелегко, особенно когда наши слушатели – дети. Они не только слушают, что мы говорим, но и умеют прочувствовать – каковы мы, говорящие о христианских добродетелях. Мы можем дать им повод для недоумения: если Христос есть, почему тогда говорящий: священник, педагог, воспитатель, наставник - живет так, как будто Христа нет, и говорит при этом о духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения? Нужно ввести Христа в свою жизнь, и Он поможет рассказывать нашим детям о Нем и данных Им и исполненных Им же заповедях. Других вариантов нет, если мы действительно хотим, чтобы у нашего общества было будущее.